

САМАЯ ТИХАЯ КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ ИЛИ КАК ЛЕ КОРБЮЗЬЕ РАЗВАЛИЛ СССР

Казанков А.И.

У лисиц есть норы, и у птиц небесных есть гнезда,
Сыну же Человеческому негде голову преклонить.
От Матфея, 8:19-20

В этой работе автор пытается трактовать сразу множество сюжетов, относящихся к исторической реальности 50-х – начала 70-х годов. Ему придется затронуть и смену дискурсивных формаций, произошедшую в это время, и тему жилищного строительства в г. Перми и за ее пределами, и формирование (или реформирование) сети социальных коммуникаций в городском сообществе, и потребительские стратегии тех лет, и процесс демаркации социального пространства и времени. Пожалуй, в данном перечне не хватает только *королей и капуста*.

Разумеется, представить все эти темы исчерпывающим образом с претензией на добротное эмпирическое исследование в небольшой статье невозможно. Мы преследовали иную цель, заманчивую и простую: истолковать медленные, трудноуловимые изменения в повседневном бытовании горожанина с тем, чтобы показать, как инициированное властью (а кем же еще?) появление сферы приватной жизни привело к фатальным для этой же власти последствиям.

Но сначала придется сделать два принципиальных пояснения методологического характера. Они будут касаться, во-первых, уточнения

смысла категории «приватное» и, во-вторых, того обстоятельства, что в названии работы упомянут термин «контрреволюция». Постараемся показать, что второе непременно связано с первым.

Рассуждение о любой ре-акции (или контр-акции) непременно полагает существующей сам акцию. И тут следует признать, что реальность революционного проекта, который пытались реализовать в СССР, мы ни в коей мере под сомнение не ставим, даже принимая во внимание всю разницу между *сущим* и *должным*. А поскольку в фокусе нашего интереса располагается именно горожанин, варящийся в насыщенном символами и кодами растворе повседневности, то культурологическая по преимуществу устремленность исследования позволяет опереться на вывод Штефана Плаггенборга: «В данном случае интерес представляет тот факт, что – как парадоксально это ни прозвучит – культурная революция является доказательством своего поражения. Культурная революция в истинном смысле этого слова не состоялась»¹. Возможно, более удачным переводом этого тезиса было бы утверждение, что факт поражения культурной революции является доказательством ее реальности.

Правда, Плаггенборг связывает это поражение с появлением на авансцене советской общественной жизни сталинских выдвиженцев: «Выдвиженцы 1928–1932 гг. не были политическими революционерами, из их рядов – как и следовало ожидать – вышли приспешники сталинизма. Революция происходила где-то в другом месте, а именно в сфере культуры, – наряду с экономической реорганизацией, возможно, единственная настоящая революция тех лет. Каков был один из ее результатов? Выработался определенный тип человека, впоследствии названный в одном исследовании типом среднего класса. Зачастую к нему применялись такие оценочные понятия, как «обыватель», «мещанин», которые говорят лишь об его удаленности от пропагандированного идеала советского человека: мало интересовавшийся политикой, ориентировавшийся на материальные ценности, предпочитавший

¹ Плаггенборг Ш. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000. С. 32–33.

частные формы жизни коллективным»¹ (выделено нами – А.К.). С тезисом о том, что 30-е годы ознаменованы триумфом деполитизированного, меркантильного обывателя, который *предпочитал* (т.е., по видимому, имея возможность выбирать?) частные формы жизни, трудно согласиться.

Что касается смысла категории «приватное», то истолковать его однозначно непросто. Прежде всего, из-за его кажущейся самоочевидности. Однажды автору пришлось стать свидетелем разговора, происходившего между мальчиком двух с половиной лет и его мамой. Дело происходило в больнице, вечером, и мама торопила сына на прием к врачу: «Пойдем скорее, а то доктор домой уйдет!». На что мальчик отреагировал с типично-детской непосредственностью: «А что, доктора в домах живут? Как люди?». Интерес здесь представляет не столько исключение докторов из разряда людей, сколько непоколебимая уверенность в том, что люди непременно *живут в домах*. Ребенку, выросшему в 90-х годах XX века иные варианты просто не могли придти в голову.

Нечто в этом же роде мы обнаруживаем в прекрасном исследовании Ю. Хабермаса «Структурные изменения в сфере открытости: исследования категории гражданское общество», которое целиком посвящено генеалогии публичности, публикации, публики и публичной политики, но приватное при этом просто предполагается: «Если открытость стала требовать себе имени впервые именно в ту эпоху [XVIII в.], рискуем предположить, что эта сфера, по крайней мере в Германии, только тогда и появилась и заявила о себе; она специфически принадлежит так называемой «общественности», то есть определенному социуму, который в то время только формировался по своим собственным законам как пространство товарообмена и общественного труда. Однако речь про «открытое» и то, что не было еще открытым, а было «приватным» шла гораздо раньше»².

¹ Плаггенборг III. Указ. соч. С. 32.

² Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії громадянське суспільство. Львів. 2000. С. 46.

По мнению Хабермаса, категорию приватного, отчеканенную в римском праве, мы получили прямоком от греческих ойкодеспотов: «Под сенью его господства совершается воспроизводство жизни, труд рабов, служба женщин, рождение и смерть; царство необходимого и преходящего, поглощенное тенью сферы приватного»¹. Обратим внимание на то, что приватное «центрировано» на ойкосе, т.е. домохозяйстве. Противоположно приватному открытое существование, а в точном терминологическом смысле – политическое (*bios politikos*), ассоциировавшееся с царством свободы и неизменности: «Открытая жизнь (*bios politikos*) совершалась на рыночной площади, на агоре, однако к какому-то конкретному месту привязана не была: открытость творилась в языковой практике (*lexis*), которая могла приобретать форму совета и суда, точно так же, как и в общественной деятельности (*praxis*), будь то ведение войны или игры-соревнования»². И вновь обратим внимание на исконную связь сферы открытого, политического, публичного и таких занятий как суд, война и игра-состязание. Возникает вполне традиционная бинарная оппозиция, полюса которой образуют коннотациями: приватное (дом, кормящий, дающий жизнь, населенный близкими) и публичное (рыночная площадь, политика, суд, война, агонизм). Пожалуй, больше никаких разъяснений по поводу сути приватного в тексте не найти.

Пройдет 20 лет, и Ю. Хабермас приступит к подготовке нового издания своей работы 1961 года. Полемизируя с новейшими концепциями естественного права и с шотландскими философами-моралистами, противопоставляющими гражданское общество (*civil society*) государственной власти или правительству (*government*) как приватную сферу в целом, он сделает существенную оговорку: «Согласно самоосознанию стратифицированного профессиональными слоями ранненовременного гражданского общества, сферу товарообмена и общественно-

¹ Габермас Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії громадянське суспільство. Львів. 2000. С. 46.

² Ю. Габермас. Указ. соч. С. 46.

го труда, а равно и освобожденный от производственных функций дом и семью, можно в «гражданском обществе» без оглядки на различия относить к сфере частного. И то, и другое структурировано в одинаковом смысле; положение и поле свободы действий частного собственника в производственном процессе создавало почву для личной автономии, которая в интимной сфере малой семьи словно бы приобретала свою психологическую изнанку¹. Но при этом, дескать, не учитываются такие важные процессы, как урбанизация, бюрократизация управления, концентрация производства, а ведь это приводит к существенной реструктуризации отношения частной и публичной сферы.

Как говорится, имеющий уши, да слышит. Сказанного вполне достаточно, чтобы замкнуть концептуальный ряд: революция – становление частного бытования – контрреволюция, и завершить необходимое методологическое вступление. Та странная общественная форма, которая формировалась в СССР после 1917 года, основывалась на деприватизации сферы обмена товаров и общественного труда, на ликвидации частного собственника с его свободой действий. А, следовательно, она вышибала почву из-под ног частной автономии семейного быта. И делалось это вполне осознанно. Ведь предупреждал же В.В. Маяковский, – действительно «голос революции» – что «страшнее Врангеля обывательский быт», и настоятельно рекомендовал свернуть голову всем канарейкам, «чтобы коммунизм канарейками не был побит».

Но это ведь – про мещан, обывателей. Это не могло относиться к пролетариям. Пролетарий не мог погрязнуть в обывательском быте, он вообще не жил как мещанин (или помещик, мелкий хозяйчик, священник, буржуазный интеллигент). Выходит, он жил *никак*, т.е. в бараке. А тогда, возможно, попытка выпустить пролетария из барака может быть вполне сопоставима по последствиям с выпуском джинна из бутылки. Дальнейшее изложение представляет собой попытку хотя бы вчерне и пунктиром дать ответ на вопрос, как и почему это произошло в действительности.

¹ Габермас. Указ. соч. С. 20.

По ту сторону быта («Марш энтузиастов»)

11 апреля 1947 г. заведующий Военным отделом Молотовского горкома ВКП(б) Горбунов продиктовал директиву, разосланную трем адресатам – председателю молотовского Городского комитета физической культуры и спорта товарищу Мельницкому, председателю горсовета ОСОАВИАХИМА товарищу Давыдычеву и председателю Городского комитета Красного Креста товарищу Бальной. Речь шла о приближающейся Первомайской демонстрации. Поименованным в директиве товарищам надлежало организовать общегородскую колонну «в составе физкультурников и оборонного актива города». Горбунов мыслил масштабно, и состав колонны определил не менее чем 1500 человек, педантично расписав их по категориям: легкоатлетов – 300, гимнастов – 300, футболистов – 150, медсестер – 150 и т.д.

Далее позволим себе процитировать источник:

«Оформление колонны рекомендуется произвести следующим образом:

1. Во главе колонны Знаменосцы количеством не менее 60–80 знамен Спортобществ, ОСОАВИАХИМА и Красного Креста.

2. Смонтированный на автомашине макет и пирамида гимнастов отображающая «Орден Победы».

3. Колонны легкоатлетов, гимнастов, футболистов, ручных игр, среди которых отобразить на лозунгах и плакатах рост физкультурного движения по тому или иному виду спорта, показать имена мастеров спорта и их рекорды, на автомашинах смонтировать показательные выступления в каждой колонне по каждому виду спорта.

На байдарках отобразить развитие водного спорта.

4. Форма одежды: по каждому виду спорта установить своеобразную форму, ни в коем случае не допуская в колоннах пестроты. Рекомендуем каждому участнику – майку и черные брюки или белую рубашку и белые брюки, на ногах обязательно туфли или ботинки, для девушек – белая блузка или майка и черная юбка, туфли и белые носки.

Для значкистов «Моряк» – белые рубашки с галстуками, черные брюки и туфли или ботинки, на голове только фуражка или кепка.

5. Все участники должны быть хорошо натренированы, петь песни и ходить строем, дружно отвечать на лозунги «УРА»¹.

Как видно из документа, Горбунов был не чужд эстетике. Вполне определенной, хорошо нам знакомой по сотням кадров кинохроники эстетики публичного действия: полторы тысячи пышущих здоровьем юных тел, упругих, как огурец с грядки. Сверкающие улыбки. Белый верх, темный низ. Все – обязательно! – в туфлях или ботинках. Реют знамена, на байдарках отражается развитие водного спорта. Идут в ногу, поют хором. Высятся пирамида гимнастов, и не наблюдается никакой пестроты. Полное единообразие, единодушие и полная деперсонификация. В колонне идут не люди, а символы. Полторы тысячи символов здоровья, молодости и силы, радости и победы, заботы партии и правительства. Точнее, мы сталкиваемся здесь с двумя слоями символизации. В атлетичном молодом и опрятном теле физкультурника обнаруживает свою истину дистрофичное, хилое, плохо вымытое (а часто просто – завшивленное²) тело обычного человека – это первый слой символизации. В другой перспективе то же самое тело физкультурника есть не истина, а эманация – здоровья, силы и чистоты Вождя (в действительности – старого и больного) и овеществленной в нем идеи. Именно в этом втором слое символизации и происходит расщепление и переворачивание обыденного опыта, который подсказывает, что обычный человек типичного провинциального индустриального центра, т.е. города Молотова, страдает недостатком телесной массы, одет в рванье и часто не имеет ни туфель, ни ботинок. Вот ему-то как раз и отказывают в праве быть поистине существующим. Истинной является то, на что указывает власть. В строках директивы Горбунова перед нами словно развернулось на миг типичное пространство публичной репрезентации.

Опережая читательское недоумение, следует отметить – да, в этом источнике не содержится ничего нового. Да, это образец типичного

¹ Исходящие письма по хозяйственным и бытовым вопросам Молотовского ГК ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 314. Т. 1. Л. 223-223 об.

² «И совершенно недопустимое явление – это почти сплошная завшивленность учащихся». См. Справка о состоянии учебно-производственной и политико-воспитательной работы в Ремесленном училище № 3. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 51-68.

«тоталитарного шика», и, конечно, всем известно, что подобные массовки режиссировались заранее. Разумеется, все это бутафория и неправда, мифотворчество от начала и до конца. Все это так, и в то же время – не совсем так. Даже если допустить, что перед нами чистейшей воды симулякр, то он интересен нам именно в этом качестве.

Приглядевшись к нему, мы увидим, что он отформатирован по лекалам открытости (*bios politikos*), со всеми его характерными чертами. Прежде всего, он насквозь политизирован. Он проникнут духом борьбы и состязательностью – спортивной в нашем примере, но может быть – и борьбы с космополитизмом, или состязательностью социалистического соревнования. Это публичное пространство, помеченное признаками репрезентативной открытости (по терминологии Ю. Хабермаса), типичное для истории Европы эпохи Средних веков.

Но что подлежит репрезентации? Симулякр не отсылает ни к чему, он знак без означаемого, точная копия несуществующего предмета. В данном же случае означаемое есть¹. Здесь уместна аналогия с иконой, которая, в принципе, так же есть представление непредставимого. Но – и отсылка к некоей реальности, в своем бытии первенствующей и перед символом-иконой, и перед тем, кто на нее смотрит. Есть Он, – тот, чье незримое присутствие если не превращает происходящее в правду, то оправдывает его. И поскольку это так, то перед нами мистерия власти Вождя – И.В. Сталина.

Именно так – через миф и в мифе создается пространство публичной репрезентации, без которого этот тип социальной системы не может существовать. Но миф, если это конечно настоящий миф, никогда не удваивает реальность. Следовательно, у публичного пространства в его советском варианте не могло быть никакой изнанки, что предполагало бы наличие неких пограничных столбов, за которыми оно заканчивалось. И этот вывод так же внутренне безукоризненно последователен, как и утверждение средневековых схоластов о том, что зла нет, поскольку его не творил бог. Хотя, возможно, он вызывает столько

¹ См. Кимерлинг А.С. Бог, хозяин и герой. Природа сталинской презентации // РЕПРОспектива. Пермский историко-архивный журнал. 2007. № 1.

же возражений. Можно указать на то, например, что даже советский человек не может все время маршировать на параде, выполнять и переполнять производственные планы, штудировать «Краткий курс» и т.п. Когда-то же он должен жить другой, настоящей жизнью?

Если допустить, что выше нам явлена только одна, блестящая и позорная сторона медали, то можно было бы предположить, что есть и другая, потаенная и грязная. Но в данном случае логика сбивается. Оборота у этой медали нет, и это действительно так – аверс без реверса. Перед нами такая социокультурная лента Мёбиуса.

Нам неизвестно, например, принимала ли участие в Первомайской демонстрации 1947 г. семья военнослужащего Коротаева. Очень возможно, что принимала. Но вот вернуться домой, запереть за собой дверь, собраться за столом, выпить водочки в честь пролетарского праздника, ругнуть начальство и самого Усатого она не могла. Потому что жила в уборной. Это не метафора, а документально зафиксированный факт «...семья военнослужащего Коротаева проживает по улице Ленина 33 кв. 4. в комнате 4 кв. метра, сделанной из уборной»¹. Ходили по инстанциям, добрались до председателя Горисполкома. А когда жалоба вернулась обратно в райжилуправление, то его начальник т. Шапкин наложил резолюцию: «Выяснить, сколько времени живет в уборной и почему она согласилась в нее пойти»².

То же самое можно было бы сказать и про жителей бараков, принадлежавших, например, заводу им. Сталина, в особенности про т. Шилова, который жил даже не в комнате, а каким-то непонятным образом в кухне³. А куда было возвращаться из публичного пространства репрезентации власти обитателям общежития ремесленного училища № 3? «В группе девушек № 24 в комнате грязно и холодно, девушки сидят одетыми в фуфайках, умываются редко, так как часто воды не бывает, да и умывальник только с одним соском на всю комнату»⁴.

¹ Докладные, справки к протоколам бюро горкома ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 6

² Докладные, справки к протоколам бюро горкома ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 6

³ Докладные, справки к протоколам бюро горкома КПСС. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 679. Л. 45

⁴ Докладные, справки к протоколам бюро горкома ВКП(б). ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 63.

Основным местом проживания рядового пермяка еще в первой половине 50-х годов продолжал оставаться барак каркасно-засыпного типа – одноэтажный, или двухэтажный из бруса (рис. 1), возведенный 15–20 лет назад и пришедший в полную негодность. Были и более экзотические места проживания – переоборудованные под жилье вагоны на ст. Пролетарская и Заостровка или осушенные брандвахты в порту Пермь. О степени благоустроенности подобного жилья свидетельствуют данные по одному из центральных районов города – Ленинскому: «Жилой площади местных Советов 397 000 м². В том числе: используется под жилье 230 000 м², с числом проживающих около 40 тыс. чел. Из 230 тыс. м² – имеющей водопровод – 28,0%, канализацию – 24,8%, центральное отопление – 4,8%, газифицированной – 7,3%»¹.

В этих цифрах легко прочитываются «удобства во дворе», вода из колонок или колодцев, коптящие печи, дровяники (рис. 2) и поход в баню раз в неделю – в лучшем случае. И постоянные монотонные усилия, поглощающие практически все время, которое рабочий проводил за пределами завода. И немыслимая ныне скученность и коммунальность быта. Сейчас трудно точно воспроизвести хабитуальности барачного образа жизни, но по целому ряду признаков она воспроизводила черты все того же публичного пространства репрезентативной открытости.

Прежде всего потому, что в пространстве индустриального гетто укрыться и затеряться пожалуй даже труднее, чем в колонне демонстрантов. Всякое сказанное слово услышат, всякий жест – увидят, что предоставляет безграничные возможности для политизации этого пространства и держит его обитателей в постоянно отмобилизованном состоянии. Неровен час, выяснится, что сосед по комнате – резидент финской разведки, а ворчание на начальство в его компании – диверсионно-террористическая деятельность².

Помимо этого, пространство барака, как представляется, тоже имеет отношение к символам и знакам, и (хоть и достаточно парадоксаль-

¹ Справка о состоянии эксплуатации, содержании и ремонте жилого фонда в городе и о ликвидации аварийного жилья. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 687. Л. 191.

² Казус А. Кривошеина, произошедший в г. Молотове в 1942 году.

ным образом) встроено в отправление мистерии власти. Прежде всего, он обладает именно знаковой т.е. производной реальностью в контексте идеологического дискурса, поскольку не может быть причислен к бытию («бог не творил зла»). В печальных обстоятельствах жизни обитателя барака столь же мало реальности, сколь мало ее в его рахитичном теле. Истиной барака являлась, конечно, каменная «сталинка», или роскошные апартаменты, в которые въезжала простая ткачиха, героиня фильма «Светлый путь».

Однако, соотношение барака и «сталинки» как знака и обозначаемого весьма двусмысленно. В данном случае в прямой перспективе знак отсылает к обозначаемому как к реальности лучшей доли, тождеству сущего и должного, косвенно намекая при этом на некую сотериологию, т.к. без Спасителя, инстанции последней иррациональной надежды туда не попасть. В возвратной перспективе барак через «сталинку» свидетельствует о себе как о не-должном и не-сущем, т.е. как о некотором отклонении, или искривлении, недостатке. Эта возвратная перспектива позволяет указать на еще один дискурсивно-практический узел, весьма существенный для дальнейшего изложения. Она позволяет ввести нового персонажа, а именно – начальника в самом широком смысле этого слова, который как раз и являлся обитателем каменных номенклатурных построек.

В интересующем нас аспекте начальник позднесталинской эпохи – публичная фигура, агент властного дискурса и властных практик, направленных на создание гомогенного публичного пространства репрезентативной открытости. Как мы пытались показать ранее, это стремление приводило к игнорированию или дисквалификации определенных аспектов повседневности. В результате сфера автономного частного существования оказывалась заключенной в контур тройного вытеснения (пожалуй, настоящего фрейдистского вытеснения).

Она не могла быть предметом официального дискурса, т.к. представляла контрверзу единства, коммунальности, публичности. Она не вписывалась в реальные хозяйственные практики, которые только и

могли, что обеспечить скудное, трудное и беспросветное барачное бытие (но эта тема тоже была строго табуирована). И, наконец, о самой этой скудости и убогости опубликованного повседневного существования, которое навязчиво лезло в глаза, говорить было тоже нельзя, а вот поддерживать его (на минимально допустимом уровне) агентам власти было вменено в обязанность.

Все это приводило к тому, что любой начальник превращался в фигуру совершенно невротическую, становясь заложником той публичности, которую сам и воспроизводил. Прежде всего, он должен был строго придерживаться фигур публичного политизированного дискурса социального здоровья и процветания, воспроизводя нормативный тезаурус, заданный самим Иосифом Виссарионовичем. Но помимо этого, он должен был обеспечить выполнение столь же императивно установленных хозяйственных планов, манипулируя жестко лимитированными ресурсами. Все три параметра были заданы сверху, и притом так, что расхождение между дискурсивными практиками и реальной деятельностью агента власти было неизбежно.

Если до 1957 года в Перми вводилось в строй 95 тыс. квадратных метров жилья ежегодно (при ежегодном приросте населения города на 12 тыс. человек), да притом среди них сплошь и рядом обнаруживалась «...не вновь выстроенный дом, а конюшня конного парка, приспособленная под жилье»¹, то именно местное начальство должно было нести за это ответственность. И, возможно, пасть жертвой репрессии, осуществляемой властью «по просьбам трудящихся». Подобные расправы над начальниками, поддерживающие сталинский миф, практиковались с завидной регулярностью. Особенно эффектно они были в том случае, если агент власти попадался на попытке обустройства того самого втроене табуированного приватного пространства. Но в один прекрасный момент все переменялось.

¹ Справка о работе строительного треста № 12 Министерств Авиационной Промышленности. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159. Л. 247.

Капитуляция 1956-го («Выше стропила, плотники!»)

Это был акт о безоговорочной капитуляции, значение которого трудно переоценить. Он оказался замаскирован под заурядное предисловие к сборнику под названием «Домашнее хозяйство», изданному тиражом 100000 экземпляров Пермским книжным издательством в 1961 году (рис. 3). Позволим себе воспроизвести его почти полностью:

«Задумывались ли вы над тем, как распределяется ваше время в течение жизни?

А вопрос этот очень интересный...

Статистики подсчитали, что если человек прожил 70 лет, то он 23 года спал, 6 лет потратил на еду, полтора года умывался и т.д.

Больше половины своей жизни человек проводит дома.

Государство глубоко заинтересовано в том, чтобы каждая советская семья правильно вела домашнее хозяйство. В нашей стране все больше производится материальных благ – продуктов питания, одежды, предметов обихода. Нужно уметь правильно, экономно использовать созданные ценности.

Экономично вести домашнее хозяйство – это значит сберечь государству огромное количество материальных ценностей: зерна, тканей, различных металлов и т.д. А это возможно только в том случае, если человек хорошо разбирается в разнообразных вопросах домашнего хозяйства, правильно, с наименьшей затратой времени, сил, *денежных средств* ведет его.

Настоящая книга представляет собой третье, переработанное и дополненное издание сборника. Первое издание его вышло в *1956 году...*» (выделено нами – А.К.)

Совершенно очевидно, что перед нами текст, знаменующий смену дискурсивных формаций и прямо называющий ее дату. То, что он появился в обычно всегда чуть более робком, чем столичные, провинциальном издательстве говорит о многом. Прежде всего, мы обнаруживаем в нем признание важности сферы приватной автономии. Оказывается, более половины жизни человек проводит вне сферы публичной репрезентации власти – *у себя дома*. Остается только предположить,

что к 1956 году эта идея обрела полную легитимность в общественном сознании. Второе, что замечаешь немедленно – дискурс избытия, в предшествующие годы стабильно циркулировавший в публичном пространстве, несмотря на вопиющее несоответствие реальности, сменяется дискурсом бережливости и экономии. Более того – что совершенно неслыханно – денежного расчета!

Все это вместе взятое можно рассматривать как индикатор уже произошедшего фундаментального переворота: власть отказалась от проекта создания однородного социального пространства, в каждой точке которого она могла бы без помех и ограничений выполнять свою публичную репрезентацию. Это, без сомнения, капитуляция. Но чем она была вызвана?

Разумеется, непосредственной действующей причиной этого поворота явилась смерть Сталина, но его быстрота свидетельствует о том, что к этому моменту созрели все его предпосылки. К ним, по нашему мнению, можно отнести, во-первых, последствия тех принципиальных решений, которые обусловили специфическую форму сталинской индустриализации. Во-вторых, особенности политической конъюнктуры, которую нужно, в-третьих, рассматривать непременно в контексте конкретного социального опыта высшего и среднего звена номенклатуры. Ну и, разумеется, нужно учитывать международный контекст.

К началу 50-х годов XX века индустриальная база, заложенная в годы первых пятилеток, успела изрядно обветшать, особенно если учесть ту колоссальную нагрузку, которая свалилась на нее в годы войны. Между тем, потребность в дальнейшем наращивании индустриальной мощи, особенно в обстановке холодной войны, ощущалась очень остро. Сделать это таким же способом, как в начале 30-х годов было невозможно, потому что все ресурсы деревни, которые можно было мобилизовать, уже были пущены в ход. Дальнейшая индустриализация могла совершаться только на основе уже имеющегося оборудования. В этой ситуации неизбежно возрастало значение качества рабочей силы, особенно с учетом человеческих потерь во второй мировой войне. Один из лучших способов задержать на заводе квалифицированную

рабочую силу – предоставить отдельное жилье, т.е. нечто, превышающее уровень бараков или финских щитовых домиков. Первые распоряжения министерств подведомственным предприятиям, предписывающие строить индивидуальное жилье «в целях закрепления кадров» появляются еще в конце 40-х годов, но цели своей не достигают¹. И это понятно – в деприватизированной экономике СССР тех лет принятие подобных решений неизбежно приобретало черты политического решения, а любые политические решения являлись монополией Сталина, которую он тщательно охранял.

После его смерти ситуация изменилась, поскольку началась борьба между возможными преемниками. В этой «войне диадохов» каждый из них понимал, что тот, кто монополизирует политический дискурс, будет иметь очень реальные шансы расправиться с теми, кто будет из него исключен – об этом свидетельствовал весь их прежний опыт. Но не нужно забывать, что существенным элементом номенклатурного опыта является буквально вбитое в мозжечок правило выживания: не лезь в политику, занимайся хозяйством. Политические инициативы могли исходить только от Хозяина.

Возьмем, для примера, такой политически насыщенный послевоенный год, каким был 1946-й, и попытаемся установить соотношение политических и хозяйственных вопросов, решаемых на бюро горкома ВКП(б) крупного индустриального центра (но не столичного города типа Москвы, Киева, Ленинграда). Город Молотов как раз и соответствует этим требованиям. В описи бумаг соответствующего дела мы обнаружим 75 документов. Из них прямо и непосредственно к сфере публичной репрезентации режима относятся 2 справки и 2 докладные записки². Все остальное – хозяйственные и бытовые вопросы. Конечно, подобный ме-

¹ См. Справка о ходе строительства индивидуальных домов на заводе им. Сталина. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 291. Л. 361.

² См. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 159. Найдено: «Докладная записка о состоянии массово-политической работы с населением Кировского района», «Справка о мерах улучшения массово-политической работы в г. Молотове», «Докладная записка о состоянии пропаганды 5-го пятилетнего плана на 1946-50 гг. в парторганизации завода № 3», «Справка о состоянии массово-политической работы среди населения по Кировскому району».

тод оценки трудно признать абсолютно надежным, но кое-что он поясняет. Хабитус рядового номенклатурного работника – это хабитус хозяйственника или сотрудника отдела кадров *par excellence*.

Поэтому, отвечая на вопрос о том, почему произошла та трансформация власти, которая привела к легитимации приватной автономии (пусть и не на основе частной собственности, а лишь в интимной сфере домашнего семейного быта), можно сказать, что:

а) существовала настоятельная необходимость стабилизации кадрового состава промышленных предприятий, располагавшихся в старых и новых индустриальных центрах;

б) политическое аутсайдерство ближайшего окружения Сталина и нижестоящей номенклатуры привело к тому, что они хоть как-то понимали проблемы хозяйства и отчасти поднаторели в их решении.

Именно в этой обстановке и было принято политическое решение, приведшее впоследствии к разворачиванию первоначально деполитизированного приватного социального пространства. Речь идет о совместном постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» от 23 августа 1955 года. Оно не особенно содержательно, из него ясно только, что с 1956 года вновь строящиеся дома будут типовыми, экономичными и лишенными архитектурных излишеств, а возводиться они будут массово. Гораздо более содержательным является следующее постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР» от 31 июля 1957 года. В нем, например, указывалось (пожалуй, впервые): «29. Начиная с 1958 г. в жилых домах, строящихся как в городах, так и в сельской местности, предусматривать экономичные благоустроенные квартиры для заселения одной семьей. Строительство жилых домов осуществлять по типовым проектам.

Поручить Госстрою СССР на основе новых экономичных типовых проектов жилых и гражданских зданий утвердить новые нормы проектирования этих зданий, в том числе высоты помещений.

30. Поручить исполкомам местных Советов депутатов трудящихся и совнархозам:

устанавливать наиболее целесообразную этажность строящихся по государственному плану жилых домов на основе технико-экономических расчетов, принимая для застройки городов в основном жилые дома высотой в 4–5 этажей, а для небольших городов и поселков – преимущественно домам в 2 и 3 этажа;

... организовать в необходимом количестве изготовление малогабаритной мебели и встроенного кухонного оборудования для квартир нового типа»¹.

Но, пожалуй, главное, что можно обнаружить в этом постановлении – это указание истоков финансирования «строительного бума» и «потребительской революции» в СССР. Ларчик, как всегда, открывается просто: у рабочих и служащих, начиная с 1958 года, перестали принудительно изымать излишки денег в виде государственных займов – это раз (в перспективе, конечно, это неизбежно вызвало бы либо инфляцию, либо дефицит, либо и то, и другое). Допускалось, что если жилищное строительство осуществляется непосредственно с трудовым участием рабочих и служащих предприятия или организации, в него можно по согласованию с профсоюзом вкладывать до 70% средств из фонда предприятия, фонда директора (начальника), фонда ширпотреба, премий – это два. Направлять на эти же цели до 30% сверхплановой прибыли – это три. Увеличили государственные ассигнования на жилищное строительство – четыре.

И этого оказалось вполне достаточно. Если еще в 1954 г. в Перми вводилось около 90 тыс. квадратных метров жилья, то в 1958 году темпы площадь вводимого жилья возросла более чем втрое, до 286400 квадратных метров (их распределение по районам и предприятиям см. в таблице 1), и в дальнейшем колебалось где-то на этой отметке.

¹ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5-ти т. 1917-1967 гг. Сборник документов за 50 лет. М., Политиздат. 1968. Т. 4. 1953-1961 гг. С. 368.

**Справка о выполнении социалистических обязательств на 1958 г.
по жилищному строительству¹**

№ п.л.	Район, предприятие	Годовые обязательства (м ²)				Сдано за 8 месяцев (м ²)				Всего подлежат сдаче в 1958 году
		Всего	В том числе			Всего	В том числе			
			Подряд и хоз. способ	Метод народной стройки	Индивид. строит-во		Подряд и хоз. способ	Метод народной стройки	Индивид. строит-во	
1	Сталинский район	73000	37000	20000	16000	5658	400	6617	75639	
2	З-д им. Сталина	34000	10000	14000	10000	-	-	4375	-	
3	З-д им. Калинина	9500	4000	3500	2000	-	-	120	-	
4	Велозавод	5990	2900	1590	1500	246	-	548	-	
5	Дзержинский район	81300	54800	12000	14500	24769	2340	5052	74841	
6	З-д им. Дзержинского	8700	1200	2500	5000	-	280	800	-	
7	Отделение дороги	16200	10300	2900	3000	5852	1661	100	-	
8	З-д «Коммунар»	800	400	400	-	-	-	-	-	
9	Ленинский район	29100	22630	1670	4810	2834	398	1423	25578	
10	Порт Пермь	2223	398	1375	-	-	-	-	-	

¹ Справка о выполнении социалистических обязательств на 1958 г. по жилищному строительству. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 679. Л. 133.

В 1958 году застройка велась преимущественно двухэтажными 16-квартирными домами, но к 1963 году ситуация поменялась (см. таблицу 2). Преобладающей стала пятиэтажная застройка, т.е. классическая «хрущевка». Ее появление вызвало настоящий культурный шок. О его силе свидетельствуют хотя бы те мифы, которыми окутано происхождение «хрущевок». Бытует версия о том, что во время визита во Францию Н.С. Хрущев был так впечатлен дешевым социальным жильем – отдаленным потомством Марсельского блока гениального Ле Корбюзье, – что сразу приказал закупить целый домостроительный комбинат. Впрочем, подобную историю рассказывают и про Англию, и про Бельгию.

Таблица 2

Этажность введенных в эксплуатацию в Перми жилых зданий¹

	1956	1958	1963
Одноэтажные	17	15	-
Двухэтажные	81	181	5
Трехэтажные	19	31	9
Четырехэтажные	2	20	13
Пятиэтажные	12	24	158
Итого	131	294	185

В действительности все гораздо прозаичнее: «Первую серию «хрущевок» спроектировал эстонский архитектор Март Порт. Согласно предложенному им плану, площадь однокомнатной квартиры составила 16 квадратных метров, двухкомнатной – 22 квадратных метра, трехкомнатной – 30 квадратных метров. В каждой квартире должны были присутствовать кладовая или встроенный шкаф, кухня площадью не менее 4,5 квадратных метров и совмещенный санузел.

¹ Таблица представлена на основе данных:

См.: Материалы по жилищному и социально-бытовому строительству г. Молотова за 1954-1956 гг. // ГАПК. Ф. р-1043. Оп.1.Д.62. Л. 49.

ГАПК. Ф. р-1043. Оп.1.Д.194. Л. 3

См.: Отчет о жилищном и гражданском строительстве по г. Перми за 1963 г. // ГАПК. Ф. р-1043. Оп.1.Д.1102. Л. 10

Строительство пятиэтажек началось в 1956 году. Тогда появилась самая массовая домостроительная серия – 1–507. К ней относится каждая четвертая "хрущевка" в крупных российских городах¹.

Правда, кроме денег нужны были стройматериалы, столярные изделия, сантехника и.п. И здесь инициатива граждан не знала пределов. Вот как обстояли дела в Кировском районе г. Перми: «Для координации действий промышленных предприятий и строительных организаций и оказания конкретной помощи строителям в изыскании местных материалов по предложению коммунистов в районе был создан районный Совет содействия жилищному строительству. ...Уменьшен диаметр колес у вагонеток, закатываемых с кирпичом-сырцом в автоклавы, и за счет этого дополнительно стали укладывать на каждую из них 150 кирпичей, обрезали у вагонеток кромки площадок, уместив в автоклав еще одну вагонетку. Это увеличило пропускную способность автоклава на одну тысячу штук кирпичей. ...В итоге, по существу на тех же производственных мощностях завод выпустил около 36 млн. штук кирпича, или в 2 раза больше, чем в 1957»².

Перед приемкой домов государственной комиссией, у застройщиков иногда сдавали нервы. Вздуроченные слухами о том, что причитающиеся им квартиры будут переданы в фонд райисполкома местного совета, они самовольно захватывали несданный дом³. Но как бы там ни было, законно или незаконно, в хорошо или не очень построенные квартиры стали вселяться сначала десятки, потом сотни, и, наконец, тысячи пермских семей. Подавляющее большинство новоселов 50-х – начала 70-х годов XX века получало отдельное, современное благоустроенное жилье впервые. Обживаясь в нем, они, фактически, с чистого листа выстраивали пространство приватной автономии. Заново становились горожанами.

¹ Любарская Е. Столичное жилье на пороге революции // <http://www.lavestnik.com>

² Справка о работе Кировского райкома партии по повышению роли коммунистов в борьбе за претворение в жизнь решений XXI съезда КПСС. ПЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 683. Л. 61–62.

³ Подобный казус зафиксирован на Гайве в 1961 году.

Освоение приватного пространства (Соло на ложках с позолоченными черпачками)

Переезд в новую квартиру мог выглядеть по-разному. Для кого-то он означал перемещение из статусного пространства в новое, где статусы и роли приходилось определять заново, приобретая новый социальный опыт: «Четко стали определять – свой круг или не свой. А в поселке этого не было, те кто жил в соседних домах всегда был «свой круг», по умолчанию. А тут уже, в общем нет. Первоначально соседи – это офицеры, оставшиеся – отставшие от части, дезертировавшие из нее разными способами, потом они сменились. И вот с новыми соседями лет через пять через шесть отношения стали совершенно сельскими – соль, сахар, рупь. Три рубля до получки»¹.

Могло быть и по-другому, если дом заселялся людьми, работавшими на одном предприятии, а то и жившими ранее в одном бараке. Тогда переезд поначалу не разрывал прежних отношений, сохранявших отенок коммунальности, но не принудительной, а необременительно-приятной, и до сих пор вызывающей теплое ностальгическое чувство: «Кстати, зашторивать окна было не принято – видимо люди привыкли жить какими-то общинами, так что это было совершенно спокойно, можно было в доме напротив разглядывать женщин в лифчиках, которые точно также мыли окна, мужей, выпивающих на подоконниках и закусывающих луком – и эти картинки настолько живые. Пресекались преступления, драки. Иногда соседи выбегали на балкон – они тоже наблюдали, и начинали обсуждать происходящее: «Как тебе не стыдно, ты же мужика-то пришибешь!»².

Но победила все-таки тенденция к стиранию прежних статусов, которые в прежнем публичном пространстве были вполне традиционному приписанными.

¹ Из авторизованного интервью с Л.-м О.Л., записано 09.05.2007 // Личный архив автора.

² Из авторизованного интервью с Б.-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

Вместе с людьми переезжали вещи, приобретать новые сразу было далеко не всем под силу. Люди, имевшие крепкие крестьянские корни, не выбрасывали ничего. Вещей было обычно не много: очень часто просто «диван и радио».

В новую квартиру обычно вселялось от 3 до 5 человек (в двухкомнатную), как правило – семейная пара с одним или двумя детьми, и кто-то из старших родственников – дедушка, бабушка, т.е. почти классическая нуклеарная семья. Обычно, если условия позволяли, супруги выделяли себе одну из комнат, обозначая тем самым внутри приватного пространство личное, интимное. При этом дедушка (бабушка) поселялись с сыном (дочкой). О. Л-ч вспоминал, что поскольку на момент переезда ему уже исполнилось 14 лет, то его отселили в чулан без окон.

Кухня. Не смотря на то, что новые квартиры обставлялись с бору по сосенке, что-то в них было почти тождественным, например кухни: «Во-первых, конторка. Это называлось конторка. Откуда она взялась я не знаю. Две дверки внизу и ящичек сверху. Они были у всех, эти конторки. У мужа в Березниках она тоже была – ей еще углы опилили, чтоб он не снес их головой. Сверху она покрывалась красно-синей клееночкой. И мы все вчетвером – папа, мама, бабушка и я за ней обедали. Был холодильник «Бирюса» – его выиграла в лотерею. Плита была газовая на четырех ножках с чугунным верхом, что было просто супер – не гнулась, как эмалированная панель. Холодильник появился в 70-х. Эмалированная раковина без тумбочки, на кронштейнах. Фартучек на стене, из него кран торчал, с холодной, конечно, водой. Кран был наращен резиновым патрубком, чтоб не брызгал. И сколько я обошла квартир, у своих друзей – у всех был буфет с откидной дверкой. У всех одинаковые, голубенького цвета. Но у нас были стекла в клеточку»¹.

Гостиная. Поначалу могла оформляться чем попало: «А бабушкина сестра со свалки притащила книжный шкаф. Двустворчатый, цельного дерева, не фанерный. Покрытый светлым шпоном «под орех». Дверцы

¹ Из авторизованного интервью с Б-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

шкафа были со стеклами, которые изнутри затягивались шторочками. Потому что на самом деле там хранились книги, посуда и белье одно- временно»¹. Но потом обычно переоформлялась в соответствии с модными тенденциями, превращаясь в выставку достижений домашнего хозяйства, выражение стилевых предпочтений хозяев, *моды*.

Вообще понятие моды и стиля всегда было одним из конститутивных признаков приватного пространства. Мода 60-х интересна тем, что не имеет преемственности с мещанским стилем, по преимуществу канувшим в небытие еще в годы гражданской войны. Скорее в оформлении «хрущевки» можно было обнаружить некоторые черты сельского быта: «Были домотканые половики. Причем изготовления половика – целая история. Бабушка резала по сантиметру всякую ветошь лесенкой, не дорезая до конца, свивала веретеном, скатывала в клубки. А летом она ехала к своей сватье на дачу, мы ходили за несколько километров в деревню, там она это все сновала, а потом на сохранившихся в деревне станках она сама это ткала. Получались огромные рулоны, которые потом резали по длине комнаты, обшивали концы тряпочкой»².

А новое, собственно городское и индустриальное приходило из разных источников. Во-первых, из уже упомянутых ранее книг нового жанра – «Полезных советов» различного рода, выступавших в 60-е годы своего рода энциклопедиями повседневности. И точно так же, как столичный стиль Москвы транслировался на провинциальную периферию (ср. издания на рис. 3), сама столица приобретала черты европейской периферии. Но не возбранялись и прямые заимствования: «Выглядеть в каком-нибудь фильме фасончик, запомнить его. Потом бабушка на старой простынке складывала его так, как я сказала – и драпировочки, и складочки затейливые, и шила»³.

¹ Из авторизованного интервью с Б. й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

² Там же.

³ Там же.

Особую роль играли *гостевые визиты*, особенно к тем, кто стал «горожанином» раньше: «Но дело в том, что поскольку мы переехали из деревни, то многих вещей, которые были у моих одноклассников, у меня не было. У одной моей тогдашней приятельниц был телевизор с фильтрами – я такого ни до, ни после не видел. Обычный телевизор, по-моему, тоже «Рекорд», к которому были приделаны две направляющие. Туда вставлялись разноцветные фильтры. Вставишь один фильтр – все в розовом, вставишь другой – в зеленом. Мне казалось, что иметь дома такую роскошь просто невозможно. У нее, кстати, еще был магнитофон «Дніпро». Об этом можно было только мечтать. Мечтать-то мечтать, но и у нас через четыре года появилась магнитофонная приставка. Ее присоединяли к этому самому проигрывателю»¹.

Желание «соответствовать» создавало напряженность семейных бюджетов и развивало невиданную ранее мобильность, заставляя осваивать новые потребительские стратегии, связанные с добыванием престижных и дефицитных вещей, завязывать новые знакомства, полезные связи: «Значит, у мамы была подруга, ой, всех выдам, всех заложу, которая работала в Облпотребсоюзе. Облпотребсоюз объединял те самые отдаленные совхозы и т.п. И они ежегодно устраивали ярмарку. И все, что они не могли реализовать у себя, они привозили на эту ярмарку. Ее проводили на речном вокзале. Это было несколько этажей дефицита. И прежде чем открывать эту ярмарку, в «неприемное» время, пока еще товар не был распакован, приходили люди, у которых был блат. И из-под полы покупалось все, и вот сколько у тебя было денег – все ты мог там оставить. Там были КРОЛИКОВЫЕ ШАПКИ, позже – бобровые шапки, у папы до сих пор где-то лежит. Там были ложечки с позолоченными черпачками, книги. У нас библиотека наполовину составлена из тех книг, которые покупались на этой ярмарке. Ну и, разумеется, хрусталь»².

¹ Из авторизованного интервью с Л.-м. О.Л., записано 09.05.2007 // Личный архив автора.

² Из авторизованного интервью с Б.-я. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

Деньги играли в жизни обитателя приватного пространства все большую роль, заставляя рассматривать работу, составлявшую ранее центр всей жизни лишь как средство их добывания. Точно в той же пропорции изменялось символическая ценность *времени*, заставляя все больше ценить досуг, который а) только в это время и появляется и б) становится все более разнообразным. Так, например, все опрошенные женщины вспоминали об огромном количестве кружков и секций, которые они посещали. Приобретенные там умения становились поводом для новых частных коммуникаций: «Мама приходила с работы, мыла полы, окна, а потом садилась и за ночь вязала шапку, она называлась «чалма» – это было очень модно. Она могла за ночь связать чалму. И утром она уносила на заказ связанную шапку»¹.

И, наконец, нельзя не упомянуть *вторичное освоение публичного пространства*, но уже в ипостаси культурного потребителя, добровольно покидающего пределы своей частной сферы. Мы имеем в виду походы в кино, театр, кафе, рестораны и т.п. Становление этой типично городской хабитуальности можно воспринимать как окончательную демаркацию сфер интимно-частного и публичного. А своеобразным перевертышем этого процесса является вторжение публичности в частную сферу но уже в контролируемом, дозируемом виде изображения на экране телевизора.

Потребительские аппетиты быстро росли. Рассмотрим часть списка вопросов, адресованных XXII съезду КПСС рабочими коллективами:

«Имеют место факты перебоев в торговле хлебом (на ряде собраний во всех районах).

Почему нет в продаже риса?

Когда в магазинах появится рыба?

Необходимо упорядочить торговлю стиральными машинами и холодильниками?

¹ Из авторизованного интервью с Б.-й. Е.Р., записано 12.06. 2007 // Личный архив автора.

В продаже нет детского трикотажа, мужских носок, осенней обуви. Совершенно нет утюгов.

Почему в обкоме КПСС и совнархозе существуют закрытые продуктовые магазины?...»¹

Как видим, наряду с насущным – хлебом, рисом, рыбой – трудящиеся активно интересуются стиральными машинами, холодильниками, утюгами. Но наибольший интерес представляет последний вопрос, поскольку позволяет приоткрыть перспективу. В нем мы можем усмотреть некую потребительскую ревность и указание на незаконность, нелегитимность статусного потребления при формальном равенстве статусов, которое к тому же опиралось теперь на реальную общность образа жизни горожанина. Но у этой претензии нет основания, т.к. ее автор не является автономным частным собственником-товаровладельцем. Зато он очень напоминает клиента социального государства, чей статус зависит только от того, как именно он сам его определит в качестве субъекта демократического процесса... Борьба за демократию, подпитываемая чувством потребительской ущемленности – вот довольно близкая перспектива человека, впервые обретшего приватное пространство в период массового жилищного строительства в СССР. Но предполагали ли возможность подобного исхода его инициаторы? И виноват ли в этом Ле Корбюзье?

¹ ЛЕРМГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 687. Л. 203-208.

УДК 908.470.53(092)"20"
ББК ТЗ(2Рос-4Пер)6-49+[ТЗ(2Рос-4Пер)614+
ТЗ(2Рос-4Пер)62+ТЗ(2Рос-Пер)63]-7
Т 936

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Министерства промышленности, инноваций и науки Пермского края

Авторы: О. Лейбович (введение, глава 1); А. Колдушко (глава 2);
В. Шабалин (глава 3); С. Шевырин (глава 4); А. Чашухин (введение,
глава 5, заключение); А. Бушмаков (глава 6, заключение); А. Казанков
(глава 7), А. Кимерлинг (введение, глава 8, заключение).

Рецензенты:

кандидат философских наук Е.М. Березина
кандидат философских наук А.Д. Боронников

Т 936 **1956: НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ТЕРМИДОР.** Очерки провинциального
быта / О. Лейбович, А. Колдушко, В. Шабалин, С. Шевырин, А. Ча-
щухин, А. Бушмаков, А. Казанков, А. Кимерлинг; Перм. гос. ин-т ис-
кусства и культуры. – 2-е изд., доп. – Пермь, 2012. – 248 с.

ISBN 978-5-91201-115-3

Представлена широкая историческая реконструкция повседневной жизни
советской провинции в 1950-е годы. На основании разнообразных источников
восстановлены ключевые изменения жизненного мира советского человека эпо-
хи «оттепели».

Предназначено для историков, преподавателей вузов и всех, кто интересу-
ется советской историей.

УДК 908.470.53(092)"20"
ББК ТЗ(2Рос-4Пер)6-49+[ТЗ(2Рос-4Пер)614+
ТЗ(2Рос-4Пер)62+ТЗ(2Рос-Пер)63]-7

ISBN 978-5-91201-115-3

© ФГБОУ ВПО «Пермский
государственный институт
искусства и культуры», 2012